

Евгения Яковлева

Мой Красногорск

Евгения Яковлева
Мой Красногорск

«Издание книг ком»

2020

УДК 908 (470.311)
ББК 63.3(2Рос-4)

Яковлева Е. Б.

Мой Красногорск / Е. Б. Яковлева — «Издание книг ком», 2020

ISBN 978-5-907250-11-6

В книге представлены воспоминания автора о послевоенном московском Красногорске. Повествование включает эпизоды общественной, политической и культурной жизни города, типичные для большинства городов советского периода. События личной жизни автора и её семьи показаны на фоне бытовых реалий и удивительной природы Красногорска. Фотоматериалы из семейного архива воссоздают картины жизни прошлых лет.

УДК 908 (470.311)

ББК 63.3(2Рос-4)

ISBN 978-5-907250-11-6

© Яковлева Е. Б., 2020

© Издание книг ком, 2020

Содержание

От автора	6
Подмосковный Красногорск	9
Эвакуация	13
Послевоенный Красногорск	21
Завод – людям	23
Люди и государство в Красногорске	31
Первый больничный лист	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгения Яковлева

Мой Красногорск

© Яковлева Е. Б., 2020

© ООО «Издание книг ком», о-макет, 2020

* * *

От автора

«Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит».

Антуан де Сент-Экзюпери

Я – помню.

Биографические эпизоды, которые включены в повествование, как яркие вспышки, мелькают в памяти. Я вновь и вновь обдумываю поступки людей, меня окружавших, пытаюсь понять причины и следствия их поведения, перебираю в памяти хорошие и горькие события из жизни моей семьи.

Люди старшего поколения, которые пережили войну или родились вскоре после войны, часто вспоминают послевоенные годы с ностальгией. Страна была тогда окутана атмосферой трудового энтузиазма, эмоционального подъёма, всеобщего ощущения радости. Люди верили в добро и надеялись на справедливость, завоёванную такой большой ценой. Даже бытовые трудности никого не пугали. Будучи пионеркой и комсомолкой, я, как и многие, верила в лозунги, которые изрекали бравыми голосами дикторы радио и телевидения, я любила патриотические песни и, подыгрывая себе на пианино, громко распевала: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой в горе, в надежде и радости».

Яковлева Евгения Борисовна, 1960-е годы

В этой книге общезначимые исторические факты переплетаются с эпизодами моей личной жизни, с образами и событиями жизни послевоенной, начиная с 1952 года и до того момента, когда я уехала из Красногорска, так как с 1970 года начала работать в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. На филологическом факультете я защитила кандидатскую и докторскую диссертации. В настоящее время я профессор факультета иностранных языков и регионоведения, люблю свою работу и успешно с ней справляюсь, а главное – помню, что родом я из детства.

Подмосковный Красногорск

Подмосковный Красногорск, каким я его помню с 1952 года, был относительно небольшим, очень уютным городом с парком, прудом, с аттракционами для детей и взрослых.

Вид на Красногорск, 1950-е годы

Парк, разделённый прудом с мостиками, был главным местом притяжения горожан. В прудах ловили рыбёшку одинокие мужички, в аллеях гуляли мамы и бабушки с детьми и младенцами в колясках. На берегах пруда хулиганили мальчишки – брызгались, толкались, прыгали с тарзанки в воду и таким образом всячески распугивали благопристойных детей вроде меня. Зимой пруды замерзали, а берега превращались в высокие горы с трамплинами. Родители часто водили меня с сестрой и подругами туда на прогулку.

Летом, ближе к вечеру, в парке включалась музыкальная карусель, и звучали выстрелы в тире. Были там и качели-лодочки, за которыми зорко следила строгая билетёрша. Если какой-нибудь нарушитель пытался «взлететь» слишком высоко или, не дай бог, сделать «солнышко», она как лицо, наделённое властью, нажимала ногой на рычаг и поднимающейся доской тормозила «лодочку» смельчаков. Все подобные аттракционы стоили очень дёшево, поэтому возле них всегда толпились люди.

В отдалённом углу парка стояло отдельное здание бильярдной. Сразу вспоминаются кадры с Высоцким и Куравлёвым из кинофильма «Место встречи изменить нельзя» и огромный зелёный стол. Здание это было для детей и подростков запретным, и мы понимали, что оно таило в себе опасность. Там собирался криминал, «чуждые элементы» и прочие представители советского общества, которые никак не могли показать хороший пример школьникам – октябрятам, пионерам, комсомольцам. Для нормальной молодёжи около бильярдной, на улице, стояли маленькие столы, с маленькими шарами и киями.

Настоящим культурным центром была танцплощадка – деревянный танцпол и сцена для оркестра, окружённые металлической сеткой. В летнее время, как только зажигались огни, к площадке стекались люди, – желающие потанцевать и просто зрители. Часто это были взрослые с детьми или подростки, которые ещё не осмеливались проходить внутрь. Когда немного темнело и включали музыку, появлялись первые робкие пары. Это могли быть парень с девушкой или две девушки, которым, видимо, очень хотелось найти себе настоящего партнёра. Но вот на сцене появлялась «джаз-банда» (так мы называли ВИА – вокально-инструментальные ансамбли), которая для нас олицетворяла особый стиль жизни, нечто запретное и супермодное. Площадка быстро наполнялась парами. Девочки-бабочки в расклёшенных юбках и парни-

стиляги в брюках-дудочках, с волосами, густо смазанными бриолином и зачёсанными назад. На площадке становилось всё теснее, а толпа зевак всё плотнее. Всем хотелось увидеть, как танцуют запрещённые танцы, особенно рок-н-ролл.

Танцплощадка и сцена. Красногорск

Дружинники перекрывали вход на танцплощадку, а также отлавливали желающих проникнуть на танцы через забор и потанцевать «зайцем». Они пропускали людей (даже с билетами) только тогда, когда кто-нибудь выходил. Время от времени воздух пронизывали свистки, которые сопровождали разные нарушения. Дружинники строго следили за соблюдением социалистических норм поведения. Чтобы выйти, а потом снова войти и «оттанцевать» свой билет, выдавали «контрамарки». Так я выучила это новое для меня слово. Ближе к десяти оркестр умолкал, но опять включалась музыка, и самые настойчивые пары продолжали танцевать.

Потом всё затихало. Дружинники выводили последних упорных любителей потанцевать. Начиналась уборка. Входные ворота запирались на засов, чтобы они назавтра опять могли выдержать напор толпы.

Парк и вообще всё, что происходило в городе, контролировалось основным градообразующим предприятием – Красногорским механическим заводом (КМЗ). Именно с заводом связана была жизнь моего отца, Яковлева Бориса Степановича – инженера-оптика по образованию и «слуги завода» по судьбе. В большой степени и моя жизнь, особенно детство, была связана с тем, что делал завод для семей своих сотрудников и всех жителей Красногорска.

Вход в парк завода КМЗ

Историческая справка

«Красногорский механический завод (КМЗ), ныне ПАО Красногорский завод им. С. А. Зверева, – крупное оптическое предприятие, расположенное в городе Красногорске Московской области. Специализируется на выпуске оптических и оптико-электронных приборов – аэрокосмической фотоаппаратуры и наземных наблюдательных комплексов, прицельных комплексов и систем управления огнём, медицинской аппаратуры, фототехники, объективов, наблюдательных приборов. В годы Великой Отечественной войны деятельность предприятия полностью была направлена на нужды обороны. Всего в период 1942–1945 годов заводом было выпущено более 400 тысяч различных приборов для нужд Красной армии».

Эта интернет-статья о заводе звучит лаконично, но при этом всеобъемлюще. На самом деле за упомянутыми достижениями стоят годы постепенного развития и тысячи людских судеб. Сейчас мне известно, что завод был не только важным стратегическим объектом, научно-исследовательским центром, но и промышленным предприятием. Самым известным товаром народного потребления были фотоаппараты, сначала «Смена», потом «Зенит». Красногорцы гордились тем, что в их небольшом городе производят фотоаппараты, известные на всю страну. О других сторонах производства никто ничего не знал. Огромная работа завода не была видна полностью, как скрытая часть айсберга.

Город Красногорск развивался параллельно с главным градообразующим предприятием и превратился из маленького поселения с мануфактурами и красильнями в современную столицу Подмосковья. Помимо центральной части с капитальными домами, сгруппированными вокруг главной заводской проходной, было много поселений с отдельными названиями, теперь хорошо известными, – Павшино, Губайлово, Чернево, Ильинское, Митино и другие. Археологические раскопки на территории Красногорска свидетельствуют о том, что эти земли были заселены много тысячелетий назад. В XVII-XVIII веках там находились княжеские усадьбы, а с XIX века стали появляться мануфактуры. После 1917 года фабрики национализировали. Постепенно они пришли в упадок из-за оттока рабочих.

Настоящим толчком для развития Красногорска стал перевод на эту территорию Подольского механического завода, который первоначально находился в Риге как филиал оптической фирмы «Karl Zeiss». В 1931 году был утверждён генеральный план строительства крупнейшего в СССР оптического завода и города Оптигорск. Название города не прижилось, и с 1932 года территория, куда вошли крупнейшие посёлки (Красная горка и Павшино), стала называться Красногорск.

Яковлев Борис Степанович (слева внизу) с коллегами в лаборатории

Молодой Красногорск успешно развивался в мирные довоенные годы, но этих мирных лет оказалось очень мало. Началась Великая Отечественная война, и в начале зимы 1941 года завод был эвакуирован в Новосибирск.

Эвакуация

Я родилась в 1946 году, поэтому об эвакуации знаю только по рассказам моей матери, Лядовой Татьяны Васильевны. По каким-то причинам мама сохранила свою девичью фамилию. Она родилась в Москве, в Сокольниках, и до замужества жила и училась в Москве. Семья её была большой (семеро детей), но не бедной. У них была кухарка, дворник-истопник и няня. Дед служил управляющим у какого-то купца или заводчика. После революции такие семьи считались зажиточными, их не раскулачивали, но детям учиться какой-либо профессии не позволялось.

Отец моей матери был первым застройщиком посёлка Клязьма под Москвой. Вовремя почувствовав опасность революции, дед продал дачи и увёз семью в Тульскую губернию, где была плодородная земля и возможность прокормить семью. Но даже там моей тётке пришлось устроиться нянькой, чтобы потом пойти в училище как представителю рабочего класса. Маме повезло больше, и она окончила топографический техникум. Когда ей исполнилось восемнадцать, её направили в Казахстан проводить топографические съёмки. Там она и познакомилась с моим папой – выпускником Института геодезии и картографии.

Родители отца жили в Красногорске, на Красной горке. Там и сейчас стоит их дом, вернее, дом папиного отца, Яковлева Степана Игнатьевича. После свадьбы молодожёны некоторое время прожили там, а вскоре мама получила участок в восемнадцать соток на улице Райцентр. (Участок выделила машинотракторная станция, где мама почему-то работала бухгалтером. Видимо, просто не хватало специалистов такого профиля, – вот и брали любого грамотного человека).

Лядова Татьяна Васильевна, 1970-е годы

На участке мои родители и построили себе новый дом. Привезли сруб, наняли рабочих, собрали, а потом долго достраивали. Он ещё не был полностью готов, но для жизни вполне пригоден. На улице Райцентр, в этом самом доме под номером 28 родились мой брат Женя и сестра Наташа. Папа к тому времени уже несколько лет проработал на заводе инженером.

Началась война. Завод являлся стратегическим объектом – выполнял только военные заказы. Когда немцы подошли к Москве, было принято решение о его срочной эвакуации в Сибирь.

Лядова Татьяна Васильевна, 1980-е годы

В двадцать четыре часа члены семей эвакуирующихся работников завода должны были собрать всё необходимое и прибыть на вокзал к поезду, который направлялся в Новосибирск. Долго не раздумывали и не выбирали, так как вес багажа на каждого взрослого был строго ограничен.

Дом пришлось бросить. Книги, ноты, пианино, вся одежда и весь кухонный скраб, включая дорогие тогда керосинки и керогаз, – всё осталось тем, кто не эвакуировался, несмотря на реальную угрозу немецкой оккупации. Когда родители – уже с тремя детьми – вернулись из Новосибирска, дом оказался пуст. Даже предметы мебели (столы, стулья, этажерки) родители замечали потом у соседей, но вернуть что-либо так и не удалось.

В эвакуацию мама взяла с собой швейную машинку за счёт веса других нужных вещей. Она часто вспоминала, каким правильным было это решение. Она не только обшивала свою семью и семьи других эвакуированных, но и зарабатывала деньги для семьи пошивом рукавиц.

В Новосибирске по строгому распоряжению властей семьи заводских работников, как и самих работников, подселяли в квартиры и дома к сибирякам. Разрешения у жильцов никто не спрашивал. Конечно, это многим не нравилось. Хозяйка квартиры, куда подселили родителей, постоянно ворчала. Ещё бы – двое детишек! К тому же скоро выяснилось, что мама ждёт тре-

тьего ребёнка. «Приехала, разродилась», – упрекала хозяйка. Девочка – моя сестра – родилась в канун нового, 1942 года.

Военные действия до Сибири не докатились, но всё равно в эвакуации приходилось нелегко. У местного населения были какие-то запасы – мука, крупы, картофель. У эвакуированных – только зарплата, которой на большую семью не хватало. Продукты стоили втридорога. Когда наступила весна, мама занялась огородом. Земли в тех краях, слава богу, сколько угодно. Трудно было достать посадочный материал, поэтому вместо целых картофелин сажали очистки с глазками. Станным образом они прорастали и давали небольшой урожай.

Дети ходили полуголодными. Старшие терпели, а младшая сестрёнка, бывало, пробиралась в поисках пищи на хозяйскую половину. Там вкусно пахло супом и выпечкой. Однажды маленькая Валя смешала хозяйке крупы в кухонном шкафу (гречку, перловку, пшено). Поесть крупы она не смогла, хотя и пыталась, только всё перемешала. В ужасе хозяйка закричала: «Татьяна, смотри, что твоя-то наделала! Почему не следишь за ребёнком?!» А мама всё время была занята – хлопотала, обеспечивала выживание семьи. Как тут уследишь? «Ну ладно, – сжалилась хозяйка. – На тебе, Валечка, булочку». Сибиряки всё же сердечные люди.

По маминым воспоминаниям, самое страшное в это время были инфекции. Когда старшая сестра, Наташа, заболела скарлатиной, её положили в больницу. Там она подхватила ещё что-то серьёзное. Лечения особого не было, да и еды в обрез. Сестру отпустили под расписку и строго-настрого велели: не давать молока! А ведь только его и удалось раздобыть (хозяйка держала козу). На свой страх и риск мама напоила истощённую девочку молоком. Оно чудом удержалось в организме, и сестра постепенно пошла на поправку.

В 1943 году, уже после того, как немцев окончательно отбросили далеко от Москвы, завод вернулся в Красногорск.

Дорога из Новосибирска в Москву была тяжёлой, голодной. На одной из остановок папа с братом Женей пошли за кипятком и чуть не отстали от поезда. За кипятком была очередь. Это часто показывают в военных фильмах. Им пришлось ехать большой перегон на вагонной сцепке, то есть между вагонами. Было холодно, папа укутывал сына, как мог, в своё пальто. В семейном архиве сохранились записи отца об этом эпизоде. Сохранились также рисунки и записи брата.

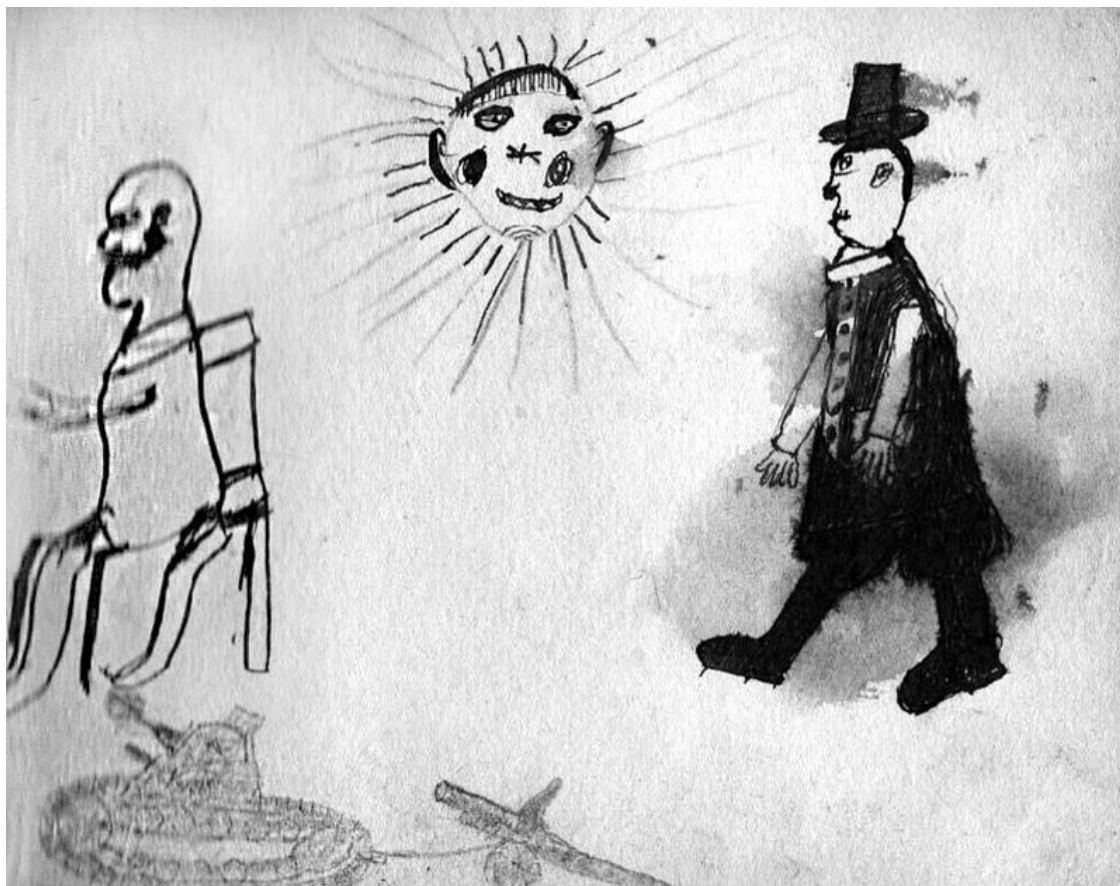

Рисунок военного времени мальчика Жени во время эвакуации (слева Сталин, справа – Гитлер)

Его постигла ужасная доля. Вскоре по возвращении в Красногорск Женя заболел корью и получил осложнение – туберкулёзный менингит. Единственное доступное тогда лекарство (сульфидин) не помогало. Брат умер 17 января 1944 года. Я родилась в июне 1946 года, и меня назвали в память о брате.

Судьба этого девятилетнего ребёнка, пережившего войну, трагична ещё и потому, что даже могила его не сохранилась. Женю похоронили на старом Красногорском кладбище, которое находилось между современной улицей Циолковского и Красной горкой. Вскоре за Женей умерла горячо любившая его бабушка, Любовь Петровна Яковлева. Их могилы были рядом: одна большая и одна маленькая. Начиная с восьмого класса, я училась в школе № 7, и путь мой с улицы Райцентр до школы пролегал вдоль кладбища. Ходить мимо осевших могильных холмиков было боязно. Над некоторыми ещё виднелись кресты, на других лежали засохшие цветы. Иные уже потеряли очертания. На этом кладбище была и братская солдатская могила, сначала просто с табличкой, а потом с оградой и памятником. Теперь туда возлагают цветы, как к могиле неизвестного солдата. Когда оформляли памятник, все могилки вокруг него сравнивали с землёй. Кладбище исчезло. Могилы моих родственников – тоже. Нас никто не спросил. Теперь на месте старого кладбища сквер. Хорошо, что не ресторан и не торговый ларёк. Жутковато всё-таки думать, что ходишь по костям таких же красногорцев, как ты сам.

...После войны завод быстро восстанавливался. Победа вдохновила народ на мирный труд, и, несмотря на материальные трудности, люди были полны энтузиазма.

Долгое время на заводе работали пленные немцы. Позднее я узнала, что немцы участвовали также в строительстве Красногорска и даже Москвы. Сначала я вспоминала об этом факте

с удивлением, позднее выяснила, что в Красногорске нашли прибежище многие антифашисты и что сейчас там находится Мемориальный музей немецких антифашистов.

Дело в том, что после разгрома немцев под Москвой именно в Красногорске был организован лагерь для военнопленных. Всего через лагерь прошло около 50000 человек. С 1943 года в Красногорске существовала Центральная антифашистская школа. Сейчас Мемориальный музей немецких антифашистов располагается как раз в здании антифашистской школы.

Некоторые немецкие военнопленные имели инженерное образование, и их труд на заводе был очень полезен. Отец с большим уважением отзывался об их умении работать дисциплинированно и тщательно. Подробности о работе немецких специалистов по известным причинам не разглашались. Помню только одно папино слово, которое он употреблял, характеризуя немецкий стиль работы. Это слово «допуски», то есть насколько точно сделана та или иная деталь. Русским рабочим было трудно и непривычно вытачивать прецизионные элементы оптики.

Многие немцы, не дождавшись освобождения и возвращения на родину, так и умирали в Красногорске. Недалеко от железнодорожной станции Павшино есть старое кладбище под названием «Пенягинское». На Пенягинском кладбище, которое вытянулось вдоль Волоколамского шоссе за Павшинской поймой, выгорожена отдельная территория, где захоронены умершие в Красногорске военнопленные. В детстве я с опаской проходила мимо огороженной территории, покрытой рядами ровных серых бетонных надгробий с номерами и даже с именами.

Монумент на немецком кладбище в Красногорске, наши дни

Общий вид на немецкое кладбище. Лаконично и аккуратно...

Немецкое кладбище находится там по сей день. Эти захоронения каждый год кто-то посещает, – то ли родственники, то ли представители администрации. Они возлагают скромные венки в память о погибших в великой и безумной войне немецких инженерах и просто пленных солдатах.

Послевоенный Красногорск

После войны город интенсивно развивался, а наш завод стал одним из крупнейших предприятий страны. Это вызвало приток населения. В настоящее время в Красногорске проживает более ста пятидесяти тысяч человек. А мне вспоминается прежний тихий городок – всего-то двадцать тысяч жителей!..

Застройка Красногорска большими каменными зданиями началась сразу после войны. За площадью, напротив центральной заводской проходной, выросли капитальные дома «сталинского» типа, разве что не такие высокие, как в центре Москвы. Это были престижные кварталы, где получали квартиры работники завода. На первых этажах располагались главные красногорские магазины – «Гастроном», «Бакалея», «Промтовары».

Красногорский гастроном

В магазине «Промтовары» можно было купить буквально всё: от обуви, тканей, кухонной утвари до канцелярских принадлежностей, что было очень удобно. Иногда проносился слух, что в «Промтоварах» «выкинули» дефицитную обувь или китайские шерстяные кофточки с вышивкой. Выстраивались большие очереди, и счастливицы уходили с обновками.

В то время я не понимала, что «дефицит» был результатом неправильной экономики социализма, и даже не представляла себе, что бывает и «капиталистический рай» с изобилием

промтоваров и продуктов. Страна была отгорожена от внешнего мира, и люди пытались как-то выжить в этих условиях. Радовались главному – что нет больше страшной войны.

В «Бакалее» перед открытием магазина тоже собиралась толпа народу. Отстояв очередь, если повезёт, можно было купить мороженую говядину или рыбу. Зато на прилавках красовались большие жестяные банки с зернистой и паюсной чёрной икрой по вполне доступным ценам.

Позднее появилось слово «блат». Большая часть населения не знала, какой криминал за этим стоял. Купить что-нибудь «по блату» могли не все, но все хотели. Считалось, что в этом есть даже какая-то особая ловкость. Предполагалось, что человек, у которого был блат, имел большие дружеские связи.

Ещё одна модная фраза того времени – «Мне достали». Не принято было расспрашивать, кто достал и как. Тайны блата не разглашались. Особым уважением пользовались продавцы крупных магазинов, куда поставлялся дефицитный товар. Интересно, но к праздникам практически все жители огромной страны что-то «доставали» тем или иным способом. Новый год, майские и ноябрьские праздники, а также Восьмое марта были заветными днями, когда доставались припасённые продукты, и столы ломились от изобилия дефицита. В магазинах пусто, а на столах полно угощений. Чудеса!

Другие районы – Красная горка, Райцентр, Губайлово, Брусчатый и Пятисотый посёлки были «царством» частного сектора и деревянных бараков. Жить в новых многоквартирных каменных зданиях считалось престижным. Счастливым, получившим в них квартиры, завидовали. У них было центральное отопление и вообще, как сейчас говорят, «все удобства». Жители же частного сектора (в том числе и наша семья) топили дровами, мёрзли, бегали в уличный туалет... И всё же свой дом с огромным садом оставил у меня незабываемые впечатления. Мне часто вспоминаются утренние часы, когда я выходила на крыльцо и окуналась в аромат сирени. На огромных пионах шевелились жуки-бронзовики, а яблони ломились от завязавшихся плодов.

Завод – людям

Завод был не только местом работы для многих красногорцев, но своего рода культурным центром. В отдельном здании заводского клуба находились комнаты и залы для занятий многочисленных секций и творческих коллективов.

Дети 11–12 лет могли посещать даже балетный кружок, который работал по выходным дням. Для балетной студии был выделен зал с огромными зеркалами, роялем, балетными станками и блестящим натёртым паркетом. Я просто обожала эти занятия, где всё было «всерьёз». Балетмейстер Стефан Александрович (до сих пор вспоминаю его имя с благоговейным трепетом) приезжал из Москвы, чуть ли не из Большого театра! А аккомпанировала нам замечательная дама Стелла Иосифовна.

Женя (справа) на уроках балета

Женя 9 лет – уроки балета

Работал Стефан Александрович с нами в классической манере – упражнения у станка под мудрёные французские словечки-команды, традиционные балльные танцы – полонез, вальс, полька. Никого не смущало, что балетные платья для занятий, пачки для выступлений и даже тапочки родители шили сами. Цветочные веночки на головы тоже были самодельными, но эстетический эффект от этого не страдал. Я была настолько увлечена балетом, что даже ездила в Большой театр на отборочный тур. Меня, конечно, не приняли, но сам факт запомнился навсегда.

В советское время большую роль в жизни сотрудников предприятий играли профсоюзы. Завод поддерживал работу профсоюза, выделял деньги на премирование передовиков производства, полностью обеспечивал материально пионерские лагеря и даже комсомольский лагерь. Для работников завода путёвки в эти летние лагеря были бесплатными. Сами работники премировались путёвками в дома отдыха и санатории. Папа ездил в Абхазию, в город Гагры. Это было прекрасное путешествие. Путёвки, правда, выделялись только самому работнику, без членов семьи. Помните фильм «Любовь и голуби»? Профсоюзы организовывали массовые праздники, спортивные мероприятия и, конечно, так называемые социалистические соревнования. Профсоюзный актив выбирал передовиков производства, их портреты вывешивались в парке на досках почёта, вместе с администрацией завода решали вопросы премирования и награждения победителей соцсоревнования.

Яковлев Борис Степанович на отдыхе в Гаграх

Какие особые функции выполняла партийная организация на заводе и в городе, я тогда не знала и не задумывалась об этом, хотя после смерти папы мама работала в парткабинете при заводе. Это был своего рода научно-идеологический центр с большой библиотекой и залом для партсобраний.

Выборы городских властей, наверное, тоже курировала парторганизация. Выборы в исполком были особым, праздничным мероприятием. Я не понимала, а из кого же мы выбираем новую власть города? Кандидат-то был всегда один! Теперь это называют «безальтернативными выборами».

К выборам на заводе выдавали подарки. Однажды маме подарили чайный сервиз и ещё набор дефицитных продуктов. Сами дни выборов запомнились мне как всеобщий праздник. В здании исполкома работал буфет, в зале выступали участники заводских клубов – гимнасты, хор, певцы-солисты. Неизменный восторг вызывала у меня странная женщина очень маленького роста, которая с большим энтузиазмом несколько лет подряд пела ядрёным, крепким русским голосом одну и ту же песню:

Вижу чудное приволье,
Вижу горы и поля.
Это русское раздолье,
Это родина моя!

Уличные танцы

Певицу то ли действительно так звали, то ли в шутку прозвали – Муркой, но относились к ней по-доброму и громко аплодировали. Впрочем, аплодировали всем и всему, это был период всеобщего всплеска радости. Для меня Мурка стала олицетворением советских красногорских выборов.

Ещё запомнились мне праздники. На праздниках 1 мая и 7 ноября на площади перед заводской проходной собиралась толпа. Это были работники завода и других предприятий с флагами, искусственными цветами и транспарантами в руках. Участвовать в демонстрации можно было по особым списками, правда, детей в списки не включали. Не пойти на демонстрацию было невозможно, тогда я об этом не задумывалась: сначала была слишком мала, а позднее и сама участвовала в таких же демонстрациях, уже как школьница и как комсомолка. Было радостно и весело.

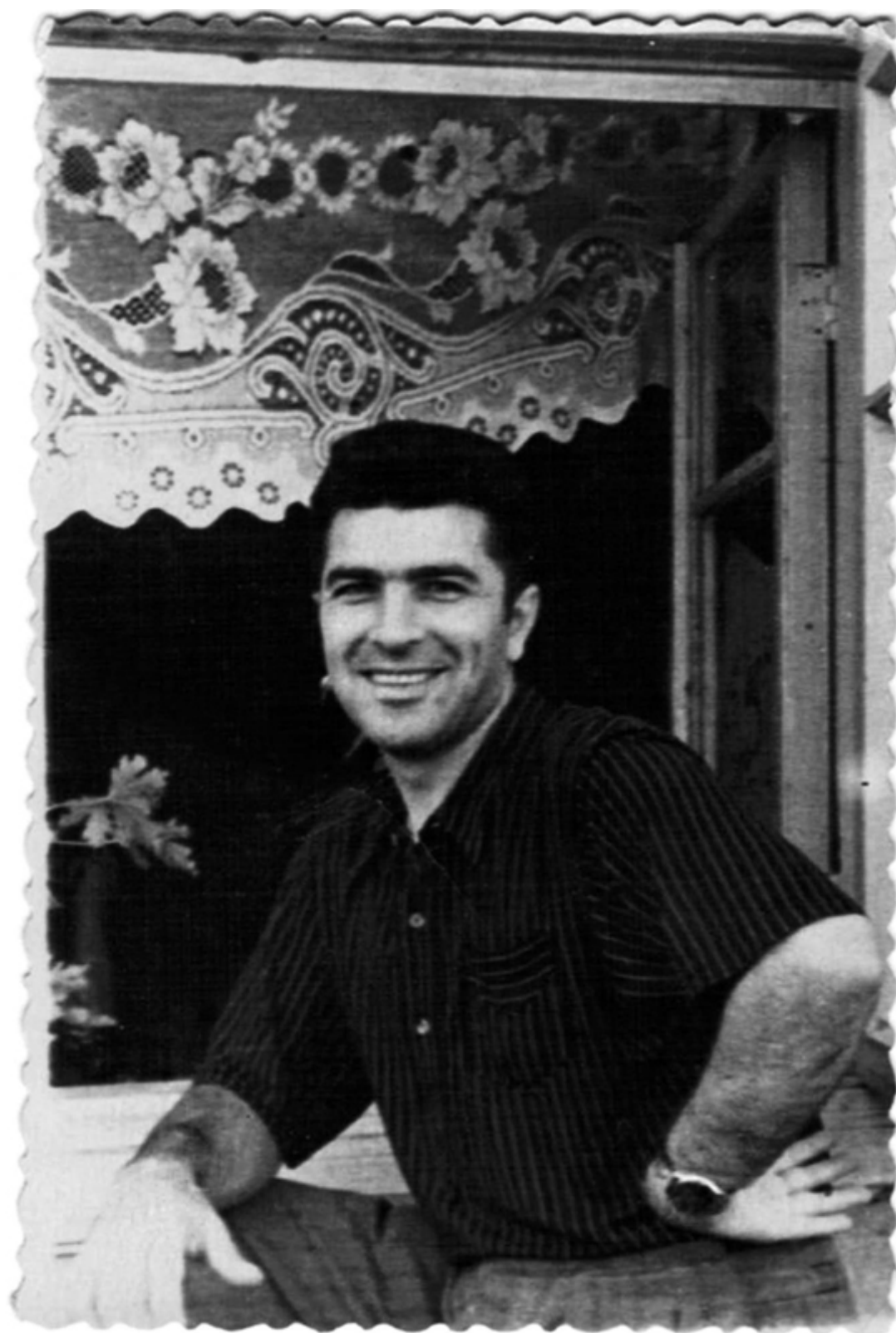
Праздничная демонстрация. Яковлева Валентина Борисовна – слева, за ней – папа

Праздничная демонстрация. Яковлев Борис Степанович с дочкой Женей на руках

Перед собравшимися демонстрантами выступали представители властей – заводское начальство и члены горисполкома. Всё как сейчас. Люди радовались праздникам, особенно весной.

При исполкоме работала парикмахерская, где, предположительно, обслуживались работники исполкома, а также все желающие. У меня сложились особые отношения с красивым улыбчивым парикмахером-армянином. Какое-то время Рафаил Саркисович с женой снимали у нас в доме комнату, и мы подружились. Я захаживала к Рафику в парикмахерскую за пузырьками из-под одеколона. Для меня сумка пустых пузырьков была просто сокровищем. Иногда попадались флаконы в изящной синей сеточке, с пульверизаторами. Одеколоны «Красная Москва», «Серебристый ландыш», «Гвоздика» и другие долгое время сохраняли аромат. Пузырьками «от Рафика» играли всей дворовой командой – в парикмахерскую или в магазин.

Рафик – парикмахер-красавец

В послевоенное время игрушек было мало, даже ёлочные украшения мы делали своими руками из подручных средств. Особенно мне нравилось делать разноцветные флажки и фонарики из гофрированной бумаги. Кстати, полезное занятие: постепенно присоединяются домочадцы, всем интересно, и долгие зимние вечера проходят незаметно. В настоящее время эта традиция возрождается. Сделать своими руками «эксклюзивную» игрушку считается «круто».

Люди и государство в Красногорске

Красногорск как маленькая часть большой страны отражал всё, что было характерно для социалистического государства. Мой отец, Яковлев Борис Степанович, был частью государства, потому что он был частью завода. Работа, эвакуация, опять работа.

Я уже упоминала, что мои родители ещё молодыми построили дом на участке, выделенном маме от машинотракторной станции, где она какое-то время проработала бухгалтером. Именно в этом доме прошла моя детская, подростковая и частично взрослая жизнь.

Но однажды наш дом обступили строительные краны... Строители собирали яблоки с дорогих для меня яблонь, с лёгкостью залезая на стрелу крана, а мы стояли и наблюдали, как они срывают самые красивые плоды, просто протянув руку.

Яковлев Борис Степанович

Когда государство бросило лозунг «Благоустроенные квартиры – всем жителям Красногорска», дом был обречён. Строители не только рвали яблоки с помощью кранов, но и тащили с веранды целые ящики с урожаем, который мы собрали своими руками. Видеть это было невыносимо. С тех пор я смотрю фильмы о раскулачивании с большим сочувствием к кулакам.

Опустевший дом вскоре сгорел. Однако мы к тому времени уже переехали в квартиру на первом этаже пятиэтажного кирпичного дома, с малюсенькой кухней и очень узкими коридорами. Было чувство, словно тебя посадили в каменный мешок. К тому же первый этаж – это и постоянно хлопающая входная дверь, и шум в подъезде, и страх, что в окно залезут воры. Но закон есть закон. Мы попробовали с ним побороться в суде. В это время моя мама была больна онкологическим заболеванием и перенесла тяжёлую операцию. Я была юной студенткой, ничего не понимающей в судебных тяжбах. Когда судья вынес вердикт «Переселить на первый этаж», даже прокурор возмутился и посоветовал подать апелляцию. Решение было незаконным. Надо ведь защищать инвалидов. Это мы сейчас так думаем, а тогда – нет. Соседи из бывших частных строений все перебрались на верхние этажи, ведь в каждом из этих семейств имелся заступник-мужчина. Мы же подчинились воле государства. Просто не знали, как действовать и куда идти.

Одна женщина с нашей улицы, кстати, знала. Просто отказалась выезжать из своего дома, если ей не дадут квартиру в новенькой кирпичной «башне». И ей дали. А мы своё отвоевать не смогли.

Государству в то время почему-то очень хотелось ущемлять частный сектор. Время от времени в нашем доме появлялись контролёры, которые проверяли количество кур на подворье, не говоря уже о мелком и крупном рогатом скоте. Позволялось иметь не более пятнадцати кур. Если оказывалось больше – штраф. В то же время я знала, что дед моей подруги держал порядка пятидесяти кур, а то и больше. Они жили за высоченным зелёным забором в собственном огромном каменном доме. У деда были связи в торговле, и его государство не трогало. Почему так происходило?

Однажды к нам пришёл инспектор по земельным делам и объявил, что по законодательству, по новому постановлению правительства, частники могут иметь, точнее, арендовать, не более пятнадцати соток земли. А у нас было восемнадцать. Именно столько, по всем бумагам, выделили ещё давно моей матери за работу в машинотракторной станции. Но вот кому-то пришло в голову, что участки велики для частников. Все владельцы домов по улице Райцентр должны были срочно перенести заборы и снести постройки и посадки на «излишках» земли. Слава богу, нам не пришлось рубить яблони, только кусты смородины. «Полоса отчуждения» площадью в триста квадратных метров превратилась из куса сада в кусок бурьяна. Кто от этого выиграл?

Государство в лице разных чиновников всячески не одобряло, как сейчас говорят, товарно-денежные отношения между «физическими лицами». Люди, которые продавали продукты из своих хозяйств, считались нарушителями коммунистической морали. Умирай с голоду, но на рынке не торгуй, если хочешь, чтобы тебя уважали.

Именно такой выбор встал однажды и перед моей матерью. После смерти отца ей начислили пенсию на двух несовершеннолетних детей по потере кормильца, однако суммы были небольшие, пришлось искать работу.

Маму взяли библиотекарем в парткабинет при заводе, – видимо, потому, что отец столько лет проработал на заводе инженером. К тому же он был коммунистом со стажем. Работа библиотекаря оказалась малооплачиваемая, зато чистая и интеллектуальная. Мама составляла каталоги, рисовала рубрики, организовывала тематические выставки. Просто идеальный кадр для парткабинета! Выдавали её только руки, которые трудились на земле и не знали маникюра. Заведующая парткабинетом, зная, что мы живём в частном секторе, неоднократно предупреждала: «Не вздумайте торговать на рынке, узнаю – сразу уволю». Но жизнь диктовала своё. Детской пенсии и зарплаты библиотекаря катастрофически не хватало даже на самые простые продукты, не говоря уже об одежде и обуви. Кстати, в то время многие шили и перешивали вещи, младшие дети донашивали за старшими. Так вот, несмотря на запрет, моя мать вынуждена была и в дождь, и в холод продавать на рынке яблоки. Как только рядом появлялся

кто-то из знакомых, она пряталась под прилавок. Партия в лице заведующей парткабинетом строго охраняла моральный облик граждан. А увольняться маме всё-таки не хотелось.

Моменты обиды, несправедливости отпечатываются в памяти особенно остро. Это – как незаслуженное наказание. Хочется доказать, что ты не виноват, но никто уже не слушает. Жизнь идёт дальше.

Первый больничный лист

Когда я только начинала свою карьеру школьной учительницы, у меня был грудной ребёнок. Понятно, что беспокойные ночи и ранние подъёмы сказывались на моём физическом состоянии. Усталость проявлялась по-разному, но особенно стал донимать кожный зуд. Я записалась на приём к дерматологу и – о ужас! – получила страшный диагноз – чесотка. В семье больше никто не болел и было непонятно, откуда эта беда. Расчёсы, которые были у меня на теле, врач даже показывала своим коллегам: «Смотрите, какие ходы от чесоточного клеща». Представляете мои ощущения и страх за семью?!

Лечение мне было прописано радикальное: полностью обмазать всё тело нафталановой мазью, надеть закрытое бельё и не мыться две недели. Нафталановая мазь имеет резкий запах дёгтя и чёрно-коричневый цвет. Я пахла, как свежесмазанная лыжа, и боялась контактировать с членами семьи и с общими вещами. Зуд становился всё сильнее. В конце концов я вымылась, сменила одежду и опять пошла в поликлинику, на этот раз к другому врачу.

«Скорее всего, у вас нейродермит. Вы просто устали. Попейте димедрол», – сказала врач.

Одна таблетка решила всё. Зуд прошёл, сон налачился. Теперь надо было получить больничный лист за пропущенные две недели. Вот тут-то я поняла, что пациент был никем и ничем перед силой государства. Врач, та самая, что велела мне намазаться дёгтем, заявила, что больничный не выдаст, так как я «не просила» его в день обращения. От обиды я разрыдалась. Мало того, что диагноз был поставлен неверно, меня по вине врача вообще могли посчитать прогульщицей. Представляете себе учителя в скафандре, с запахом лыж, к тому же инфицированного чесоткой, перед ребятами на уроке английского языка?

Слёзы душили меня, но чувство несправедливости было сильнее. Пошла по этапам – к заведующему отделением, к главному врачу, к заведующему поликлиникой. Мне выписали больничный лист задним числом. Я победила, но обида в душе сохранилась до сих пор.

Общение с государством в лице красногорских и московских чиновников чаще всего приносило огорчения, но однажды государство пришло мне на выручку. Мой отец, как я уже говорила, был инженером. Когда построили дом, он организовал проведение водопровода на всей улице Райцентр. Сам составил проект, получил согласие властей, обеспечил финансовую поддержку завода. Когда из кранов пошла вода, это было настоящей революцией. Полив садов и просто удобства стали доступными. Народ ликовал. Отца всё время избирали председателем уличного совета. Заседания проходили у нас в доме.

Потом было проведено отопление с батареями, которые нагревались от огромного котла с манометром и сливным бачком на чердаке. Топили котёл мы сами торфом в брикетах и углём. Котёл стоял в подвале. Когда уголь раскалялся докрасна, в доме становилось тепло и уютно. К утру, конечно, дом охлаждался, а вставать в школу надо было не только летом. Дом строился ещё в довоенное время. Со стройматериалами было трудно. Использовали то, что могли достать, поэтому в некоторых комнатах пол был из неровных досок, со щелями, особенно в комнате, где я спала зимой. «Прируб» строился позже других частей дома. Это было небольшое помещение, которое быстро нагревалось, если работал котёл, но в морозные ночи, несмотря на ковёр, который закрывал щели в полу, воздух в комнате остывал до такой степени, что изо рта шёл пар. Одевалась я под одеялом, предварительно нагрев одежду. Полностью одетая, вылезала из-под одеяла. Я в шутку называла эту процедуру «рождение девы из пены», так как понимала, что скоро будет теплее.

Когда папа умер, следить за домом стало труднее. К тому же мама заболела, и её надолго положили в больницу на операцию и последующее лечение. Мне было уже четырнадцать, и я осталась дома одна. Зима выдалась очень морозная, и гордость всего посёлка – водопровод, полностью замёрз, по крайней мере, в нашем доме. Кто-то посоветовал нанять рабочих, кото-

рые за приемлемую плату найдут замёрзший участок трубы и отопреют. Я, наивная, согласилась, надеясь, что остатков пенсии хватит, чтобы расплатиться с рабочими. Водопровод был закопан на два с половиной метра, и вся эта толща земли превратилась буквально в камень. Рабочие копали долго, но абсолютно безрезультатно. Когда они выбились из сил, так ничего и не сделав, они пришли ко мне и потребовали деньги. Я отдала всё, что у меня было, и долго потом плакала. Вот такая жизнь в частном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.